

Т.В.Цивьян, И.А.Седакова, М.М.Макарецв

«БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС»: НАЧАЛО И НАЧАЛА

В статье выносятся на обсуждение пилотный проект «Балканского Тезауруса» (БТ), который призван обобщить имеющиеся наработки в области семиотической балканистики и придать этой науке новый импульс. Концепт *начало* рассматривается в синхронии и диахронии, от античности до наших дней, с учетом всех балканских языков и традиций, с привлечением языкового, обрядового, фольклорного, литературного и др. материалов. В качестве конкретных примеров первого тома БТ дается обзор концепта *начало* в балканской модели мира, в зачинах текстов и в дейксисе.

Ключевые слова: балканский языковой союз, балканская модель мира, начало, античность, язык, обряд, фольклор.

The article discusses the new pilot project “The Balkan Thesaurus” (BT) which is supposed to generalize the results in the semiotic Balkan studies and to give new momentum to the development of this discipline. The notion of *the beginning* is analyzed in its synchrony and diachrony, from the ancient time till today, with all the Balkan languages taken into account, in the fields of linguistics, ritual, folklore and literary studies. A brief review of the notion of beginning as reflected in the Balkan model of the world, in the first parts of the texts and deixis exemplifies the principles of BT.

Kew words: Balkan linguistic league, Balkan model of the world, beginning, classical studies, language, ritual, folklore.

Вступление: История, проблематика и перспективы балканских начал

Статья выносит на обсуждение пилотный вариант проекта междисциплинарного «Балканского тезауруса» (БТ), его концепции, структуры и методологии. Разработка БТ *начинается* с важнейшего семиотического, языкового, культурного концепта *начало*, и подступом к проекту стала Международная конференция «Балканский тезаурус: *начало*» (Балканские чтения 13), которая прошла 7–9 апреля 2015 г. в Институте славяноведения РАН5. Чтениям предшествовал круглый стол «Начало», на котором был обсужден один фрагмент этого концепта: его воплощение в календарном цикле балканцев [Начало, 2014].

⁵ Конференция прошла при поддержке РФНФ, проект №15-04-14076 «Балканские чтения 13 „Балканский тезаурус: начало“». В рамках этого же гранта написана и данная статья.

Так продолжается традиция начатых в 1960-х гг. в Секторе структурной типологии Института славяноведения РАН балканистических штудий, отраженных в симпозиумах⁶, конференциях и далее – в «Балканских чтениях»⁷. Таким образом, история балкановедческих конференций в Институте славяноведения (и балканистики) насчитывает уже несколько десятилетий, и «московская ветвь» с ее комплексным междисциплинарным подходом к предмету имеет прочные позиции в балканистике.

За этим широким замыслом проекта стоит разработка глобального подхода к балканскому языковому и культурному универсуму. Будущий БТ мыслится не только как лексико-семантический корпус (тезаурус в узком терминологическом понимании), но как *сокровищница* в исходном смысле слова, тот драгоценный запас, который был накоплен в *балканском пространстве и времени*. Современное состояние балканистики, дисциплины молодой (условно столетней – не такой большой возраст!), изначально находящейся в зоне риска чрезмерного увлечения эмпирией (как и риска фантастичных интерпретаций) и изначально полемической, настойчиво требует новых подходов и новых взглядов.

Напомним, что первые наблюдения над поразительными сходствами балканских языков и культур относятся к началу XIX в. (Е. Копитар); в 1930-е гг. К. Сандфельд и Н. С. Трубецкой «узаконили» это направление лингвистики [Цивьян, 2012], в 1960-е началось ее активное развитие, а уже в 1981 г. известный немецкий балканист Н. Рейтер задал вопрос «Балканология, quo vadis?». Накоплен огромный материал, охватывающий языки, фольклор и мифологию, литературу, искусство, историю, культуру Балкан; многое собрано, многое осмыслено в ракурсе балканистики, в ракурсе типологическом (балканский языковой союз, балканская модель мира), дескриптивном и сравнительно-историческом. Однако вопрос Н. Рейтера становится еще более актуальным (по-прежнему горячо обсуждаются основополагающие для балканистики положения, в том числе и термин «балканизм», см. [Kahl, Metzellin, Schaller, 2012]),

⁶ Первым в ряду подобных научных встреч был симпозиум по античной балканистике [АБ, 1972] (перечень сокращений см. в библиографическом разделе статьи).

⁷ Материалы «Балканских чтений» и более ранних симпозиумов по балканистике опубликованы на сайте Института славяноведения РАН [www.inslav.ru]. Обзор балканских конференций см. [http://www.inslav.ru/resursy/elektronnaya-biblioteka/631--19902007]. Кроме этих публикаций, важнейшими являются коллективные монографии, основанные на идеях конференций [ВПБ, 1994; ЗБ, 1994; ВЗ, 2007; СБЯ, 2003].

и сама систематизация данных предполагает решение новых теоретических задач, поиски новых идей.

Что же должно входить в «Балканский тезаурус», и можно ли говорить о наличии особого «балканского текста»? Мы видим ответ в словах В. Н. Топорова, который в аннотации к сборнику «Знаки Балкан» писал: «На протяжении тысячелетий Балканы были одним из важнейших культурных центров, чье наследие органически вошло в состав современной культуры. При всем многообразии этнокультурных элементов, при всех перипетиях истории, когда творческие взрывы сменялись падениями и периодами застоя, есть основания говорить о единстве культуры Балкан в пространстве, времени и духе, которое усваивает и перерабатывает многое и разное, и об отмеченности этой культуры, образующей особый „Балканский“ текст...» [ЗБ, 1994, 1].

Специфика балканистики, изучающей синхронию в проекции на диахронию и *vice versa*, пространство с птичьего полета и пространство, суженное до точки, время «искони» и *hic et nunc*, «многонародную личность» (Н. С. Трубецкой) и индивида, приводит к иногда почти оппозиционному разнообразию методов и точек приложения сил. Теория языковых союзов и языковых контактов актуальна, как актуальна и «Балканская лингвистика» К. Сандфельда; каждый подступ (цепь книг с таким же или сходным названием составляет кумулятивную, т. е. по определению бесконечную, «балканскую грамматику») вносит новые теоретические предложения и входит в новые повороты, стимулированные, среди прочего, непрерывно пополняющимися собраниями конкретных данных. Балканистика продолжает оставаться дисциплиной *in processu*, а споры о предмете исследования, вплоть до его отрицания, отражают особенности *балканского мира*. Как сочетать весь этот *громокипящий кубок* в «Балканском тезаурусе»? Как объединить принцип *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (Pauly-Wissowa) с принципами теоретических штудий, в которых захватывается неограниченно широкий круг проблем, привязанных к балканскому времени и пространству?

Представляется, что в теоретическом плане целесообразно прежде всего максимально использовать наработанное. Если брать типологический аспект, то это понятие балканизма. Оставаясь дискуссионным, оно от этого не теряет своей разрешающей способности, хотя бы в прагматическом смысле. Под балканизмами мы в данном случае понимаем концентрацию / мультипликацию и хорошую сохранность (репрезентативность) неуникальных компонентов и их соединение в одно целое, которое

и оказывается специфически балканским, «уникальной мозаикой» [Цивьян, 1990: 86].

В пилотный том БТ войдут те аспекты концепта «начало», которые обсуждались на «Балканских чтениях 13». Вот список тем, являющийся по существу нашими пропозициями к БТ:

В *начале начал* – палеобалканистика и античность (как предбалканистика).

Категория *начала* в языке (синхрония и диахрония, парадигматика и синтагматика в широком смысле; уровни языка; *дейксис*, глагольные категории, таксис; лексика, семантика).

Начало в тексте, словесном и несловесном (структура *начала*; маркированные зачины и формулы, клише, мотивы, сюжеты; статика / динамика и др.).

Начало в проекции на пространство (мифо-ритуальный сценарий творения мира и творения человека).

Начало в проекции на *время* (сополагающиеся понятия в обрядовых календарных и семейных циклах).

Итак, *начало* предстает *разным* и в *разном*: лексема – термин – концепт; текст, словесный и несловесный (сочетающий разные коды – визуальный, акустический, предметный и т.д.), но одновременно и *единым*, как своего рода *signum primum*, или «знак открывающий». Такой ракурс вводит *начало* во владения семиотики с ее (прежде всего) классифицирующей ролью. *Начало* закладывает порядок: оно *открывает* и тем самым выстраивает сотворение мира, сотворение человека; оно *открывает* миру человека, а человеку – мир.

Далее в статье в проекции на концепт *начала* мы излагаем некоторые фрагменты будущего БТ, которые выкристаллизовались после чтений (на основе прочитанных докладов и дискуссий) и которые показали нам перспективными:

1. *Начало* в ракурсе балканской картины мира: отмеченные точки сценария жизни человека в проекции на время и пространство;

2. Формулы *начала* (зачины, запевы и т.д.): примеры из балканского текста;

3. Лингвистический подход к БЯС и к проблеме балканизмов (структура коммуникации).

1. *Начало* в ракурсе балканской картины мира: отмеченные точки сценария жизни человека в проекции на время и пространство

Это прежде всего тексты о *начале* как таковом, о первом появлении, о творении и сотворении и далее о «первоизменениях». Объяснение первопричин и установления космического порядка, усвоение мира человеком и легитимация его поведения содержится в жанрах этиологических легенд, преданий и поверий [Белова, 2015]⁸. Заранее заметим, что наряду с универсальными мотивами в этих текстах отчетливо выступают и сугубо балканские черты (творение мира в борьбе добра и зла, дуализм, предположительно отсылающий к иранским корням, – богомильство или манихейство).

Далее, «начало» переходит в ритуальную сферу и соотносится как с демиургической деятельностью, так и с магическим восприятием активного *начала* в целом. Приведем пример отмеченности начала в сюжете «начало дела», связанном со строительными обрядами. Универсальный мотив «строительной жертвы» получает в балканском пространстве подчеркнуто трагическое воплощение. По поверьям, при *начале* / закладке строения (моста, монастыря и т. д.) в фундамент замуровывают человека, поскольку постройка требует жертвы. Именно на Балканах эти мотивы получают последовательное воплощение (см. от баллады «Мастер Манол» и др. до «Моста на Дрине» Иво Андрича [Иванов, 2001]). В *текст начала* вписываются реликты древнебалканских представлений о тени как хранительнице постройки [Плотникова, 2009], ритуальные акты по выбору места при постройке, и это приводит исследователя к неизбежности комплексного подхода к концепту, который включает в себя самые разные уровни значения и его выражения, формы. Взаимосвязанность всего «разного» проявляется в том, что одна тема (сфера) выводит в другую и смыкается с ней. Закладка фундамента дома представляет собой насыщенный магически-ритуальный сценарий, в который включены запреты и рекомендации, поверья и благопожелания, представления о негативной вредительской магической практике [Плотникова, 2015]. Параллельно формируется общий словарь, где в данном случае (как, впрочем, и во многих других), фиксируется слой турцизмов (ю.-слав. *темел* 'фундамент' и др.). Здесь эксплицируется взаимосвязанность всех компонентов «балканского текста»: ритуалов, мифов и легенд, поверий, лексики.

⁸ При работе над БТ сравнение с небалканскими славянами очень продуктивно и является важным методологическим принципом исследований. Особое значение здесь получает фундаментальный труд «Славянские древности» [СД, 1–5].

Так, при изучении строительных обрядов (как и любой другой «материальной» области) можно перекинуть мостик к языку – к установлению набора лексических балканизмов. Эта тема имеет первостепенную важность для БТ, поскольку высокая степень лексической проницаемости позволяет установить коммуникативные механизмы, действующие в балканском пространстве (структуру «балканского полилога»). Из множества примеров балканского словаря отметим семантические балканизмы (так, балканский полисемический глагол «хватать» включает в себя сему «начинать», «приступать», общую для всех словарей БЯС [Седакова, 2009]).

Начало в календаре

Именно как «разное в разном» эксплицирует и имплицитует себя тема «начала» и в балканском ритуально-обрядовом календарном континууме. Календарь можно представить в виде многоаспектного словаря, который включает календарную терминологию, каталог магических действий, их участников (исполнители и аудитория), фольклорных текстов, этикетных реплик и т.д. Это позволит перейти далее к классификации словесных (сюжеты, свод правил) и несловесных текстов (музыка, визуальное оформление, мизансцены). *Начало* в календарном, т.е. темпоральном, воплощении интерпретируется как одна из основных универсалий природного и культурного времени в рамках оппозиции «род / вид». Эта тема как «родовая», выстраивающая, проходит через весь календарь, однако «видовые» формы развиваются в конкретных праздниках и обрядовых комплексах и в разных балканских ипостасях.

Обязательной составляющей ритуального календаря являются магические акты продуцирующего, превентивного и мантического характера, направленные на *начало* и особенно на *первое* (*впервые*). *Первое* моделирует будущее, в *начале* уже заложены и процесс, и его результат (отсюда отчасти и приуроченность гаданий к начальному периоду, и развернутая система примет и предсказаний, то есть направленность в будущее). Обозначить *начало* чаще важнее, чем *конец*, в связи с большей семантической, символической и семиотической нагруженностью *первого*, *нового* в сравнении с *последним* и *старым* [Валенцова, Седакова, 2004; Валенцова, Узенева, 2004; Виноградова, Толстая, 2004].

Балканские схождения в ситуации *начала* в календарных обрядах, весеннее-летних – 1-е марта (бело-красные нити «мартеницы» и обходы с ласточкой, поверья о старухе Марте и др.), Вербное воскресенье («цветочные» именины в православии балканских славян), Троица (магические акты с орешником, русалии) – и святочно-новогодних (первый посе-

титель, сжигание полена «бядняк» и др.) обсуждались на наших круглых столах и в соответствующих публикациях [Мартеница, 2008; Salix Sonora, 2011; Троица, 2012; Начало, 2014]. Уже эти примеры поставили глобальные вопросы: существует ли абсолютное и единственное *начало* или оно мультиплицируется, дробится на «предначала», какова семантическая связь начала и конца, темпорально соприкасающихся друг с другом (переходящих друг в друга)?¹ Это особенно важно в мифопоэтической интерпретации годового времени, которое мыслится и как циклическое (бесконечно повторяющееся, по мысли Мирчи Элиаде), и как линейное, отрезок с маркированным началом и концом.

На примере рождественско-новогодней обрядности эта специфика особенно заметна. Начало лексически прочитывается в обрядовой терминологии; на предметном уровне оно представлено через *первое, новое, молодое* (в подчеркнутом противопоставлении *старому*) или через семантику *рождения, появления, вхождения, встречи*. Семантика рождественско-новогоднего начинания и обращенности к будущему восстанавливается с помощью наивной этимологии: так, в Болгарии рождественское полено *бъдник*, по народной мысли, горит, *за да бъде* – «чтобы было», то есть чтобы не наступил конец – антипод началу, *за да са светли бъдниците* – «чтобы будущее было светлым», ср. также *На Бъдни вечер каквото помислим, ще се сбъдне* – «Что задумаем в Сочельник, то и сбудется» [Седакова, 1984: 69].

Начало как нельзя ярче иллюстрируется насыщенным вербальным и акциональным кодом «магии первого дня». Приветствия, поздравления, благопожелания, заклинания, приговоры, молитвы и песни построены на мотивах плодородия, здоровья, процветания и богатства.

Рассматривать *начало* следует как установление космического порядка и обеспечение развития (света, роста, новой жизни и пр.), сменяющее хаос и разрушение (угасание, уменьшение, уничтожение и пр.), и этот переход, подобно всем переходам в традиционных культурах, маркирован как время лиминальное, опасное, демоническое².

В рождественско-новогоднем периоде есть несколько *начал*, что полностью соответствует логике традиционной культуры: повторение, мультипликация усиливают действенность ритуала. Христианская тема *нача-*

¹ Но ср. также синонимию обозначений начала и конца как граничных точек [Асенова, Дукова, 2015].

² Приведем пример безусловного, по нашему мнению, балканизма: сезонные (в основном) святочные демоны *караконджолы* (об этом см.: [Bernard, 1970]).

ла в зимнем календаре безусловно задается праздником Рождества Христова, но в балканском преломлении она начинает звучать за пять дней до Сочельника – в день св. Игнатия (20.12. ст. ст.), что подтверждается колядками (болг. *Замъчи се Божя майка от Игнажден до Коледа та роди млада Бога* «Начались родильные муки у Богородицы с Игнатиева дня до Рождества, и родила она юного Бога»). Раннезимние праздники конца ноября и декабря тоже несут в себе мотивы *начала* и *первого* или «оповещают о приближении нового года», как греческий день св. Минаса (11.11.), который семантизируется из народной этимологии $\mu\eta\nu\acute{o}$ ‘уведомлять, извещать, сообщать’ [КОО, 1973: 309].

Размытость границ *начала* соотносится с еще одной особенностью народной обрядовой культуры – различной приуроченностью одинаковых обрядов и магических актов. Обряд первого посещения (*полазник*) может выполняться начиная со дня св. Андрея (30.11), а также в дни св. Варвары (4.12), Св. Саввы (5.12) и св. Николая (6.12), в Игнатов день, в Рождественский сочельник, на Новый год и Крещение. Через несколько праздников рождественско-новогоднего периода проходит, повторяясь, одна сквозная тема. Так, птицеводческая магия у балканских славян может быть приурочена ко дню св. Игнатия, Сочельнику, Новому году. Повторяются обрядовые трапезы, окуривание дома и хозяйственных помещений, выпечка хлебов, девичьи гадания и др. Однако некоторые компоненты святочно-новогодних обрядов не повторяются и не меняют своей темпоральной конкретности. Так, например, рождественское полено (серб. *бадњак*, болг. *бъдник*, алб. *buzem, buzmi bujar* и др.) заготавливается строго к Сочельнику и зажигается в ночь на Рождество [Толстой, 1995: 142–148]. В этом центральном для Рождества обряде, известном в Южной Славии, Греции и Албании, частично в Румынии, просматривается культ огня и солнца, в соответствии с зимним солнцеворотом [Плотникова, 2004: 95–102]. Кроме того, в рождественском бадняке, так же как и во многих других обрядовых актах святочного периода, видится культ предков [Топоров, 1976], то есть возвращение к *началам*.

Начало и рождение человека

Рассмотрим вкратце еще один комплекс, непосредственно связанный с началом: рождение человека и родинный обрядово-магический контекст. Если в календарном начале на первое место выдвигалась семантика *природных изменений* (увеличение светового дня и его семиотическое и хозяйственно-аграрное осмысление), то в родильном цикле в центре находится *человек*. И опять же здесь не приходится говорить о рождении,

появлении на свет как об абсолютном начале. Рождение ребенка вписано в свадебный сценарий для новобрачных как универсалия, но особенно четко оно детализировано на Балканах [Седакова, 2007]. Более того, рождение детей моделируется в самом начале родильного цикла, когда ряд магических актов нацелен на то, чтобы младенец впоследствии стал родителем. *Начало* в равной степени апеллирует к прошлому (поиски первоначала, объяснение сущего), настоящему и будущему (магия начала).

Так же как и в календарных обрядах, для жизненного сценария человека можно говорить о нескольких *началах*, даже если речь не идет о смене статуса, а только о младенчестве. Так, все *первое* направлено на удачное благополучное начало, которое приведет к успешному продолжению: первое купание и пеленание, помещение в колыбель, кормление грудью и т. д. Именование, наделение ребенка именем, согласно архаичной балканской традиции, не только вводит в социум нового человека, означает начало его социальной жизни, но при этом всегда апеллирует к роду, к именам старших, стоящих у истоков семьи. *Первое*, как *начальное*, максимально нагружено с точки зрения семиотических, семантических, магических и пр. параллелей и выражается в обилии ритуальных действий и регламентаций, а также в благопожеланиях, которые во многих своих формулах являются именно общебалканскими, включая и общебалканскую лексику.

2. Формулы начала (зачины, запевы и т. д.): примеры из балканского текста

Начало как элемент структуры текста пользовалось значительно меньшим вниманием в балканистике, чем можно было бы ожидать. Несколько нам известно, до сих пор не появилось теоретическое описание *начала* в структуре балканского текста, хотя есть ряд исследований, посвященных началам в структуре текстов разных жанров. В данном разделе мы резюмируем результаты обсуждения этой темы на Балканских чтениях 13 «Балканский тезаурус: *начало*» (см. сборник [БЧ, 2015], который на настоящий момент является самой большой антологией таких работ), делая опыт создания теоретической рамки для обсуждения структурных особенностей балканских текстов, принадлежащих к разным балканским традициям и создаваемым на разных балканских языках.

При всей очевидности и прозрачности понятия *начало* (ср. классическое определение Аристотеля: «Начало есть то, что само не следует необходимо за чем-то другим, а <напротив,> за ним естественно существует

или возникает что-то другое»³) как минимум один вопрос нуждается в прояснении: как определить, где начало кончается? Есть ли у него особые маркеры, которые отличали бы его от основного текста? Помимо теоретической значимости этой проблемы для понимания структуры текста, у нее есть и одно совершенно практическое измерение: можно ли определить исходное место фрагмента, если целый текст не сохранился?

Конечно, тексты могут сильно различаться по структуре, и есть ряд текстов, основной приметой которых является строгость формы, например тексты-перечни разного вида, как «парадигмы однородных в каком-то отношении элементов, составляющих некое «родовое» целое», часто являющиеся фрагментами более объемных текстов [Толстая, 2015: 221]; перечни (обрядовых) действий⁴ и т. д. *Начало* такого фольклорного текста-перечня маркирует либо главный член ряда, либо точку отсчета для линии восхождения, другими словами, является маркированным элементом, задающим перспективу текста. Для таких текстов характерен изоморфизм структуры (начало является всего лишь первым элементом в ряду, не отличаясь принципиально от остальных элементов).

А, например, для стилистики комедий Аристофана характерно использование в *начале* обращения к публике (часто с маркерами «я разъясню / я изображу»), и если такая конструкция встречается в некотором отдельно сохранившемся фрагменте, то правомерно ли было бы отнести ее к началу исходного текста? Можно ли считать такого рода обращения эксклюзивными показателями *начала* и на их основании однозначно отнести фрагмент к началу [Новохатько, 2015]?

Признаком *начала* может быть повышенная концентрация дейктических элементов⁵. Ср. античную комедию, где «дейксис выступает <...> необходимым элементом своего рода временного и пространственного привязывания зрителя к действию пьесы» [Новохатько, 2015: 47]. Кроме того, языковой жест часто сопровождается физическим жестом, когда говорящий указывает на разные предметы, находящиеся на сцене⁶. Смена

³ Перевод М. Л. Гаспарова, цит. по [Забудская, 2015: 38–39].

⁴ Классическим образцом такого текста является «Повесть конопля» [Цивьян, 1977].

⁵ Это не значит, что дейктические элементы не используются в основном тексте, но там их концентрация гораздо ниже.

⁶ Примечательно, что метафора сцены используется для учебных описаний дейксиса артиклевых языков. Так, в курсах по болгарскому языку иногда рекомендуют при вопросе о том, следует ли употреблять определенный артикль, представлять себе пространство текста в виде сцены, на которой находятся

места, времени (указание на которую вводится через смену дейктических маркеров), персонажа и художественного приема могут являться приметой перехода от *начала* к основному тексту (случай «Энеиды», см.: [Теперик, 2015]); указание на реальное место и время, т. е. использование дейктических элементов, характерно в зачине былички (о новогреческой традиции см.: [Климова, 2015]). В албанских, болгарских и македонских мифологических балладах *начало* маркируется при помощи особенного употребления косвенных эвиденциалов (частота их использования в начале значительно выше, чем в основном тексте [Макарцев, 2014: 249–252], и это поднимает проблему изоморфизма *начала* всего текста и *начал* эпизодов в тексте: в рамках структуры текста косвенные эвиденциалы тяготеют к стыкам между эпизодами, появляясь, соответственно, или в абсолютном конце, или в абсолютном начале эпизода [Макарцев, 2014: 249–252]).

Для описания *начала* как элемента структуры текста, помимо рассмотрения его возможных маркеров и определения его конца, необходимо также остановиться на стратегиях связывания *начала* с основным текстом. Здесь вслед за Я. Л. Забудской [Забудская, 2015] можно говорить о двух стратегиях: парадигматической и синтагматической. Для парадигматической характерно слабое связывание начала с основным текстом⁷, а синтагматическая подразумевает сильное связывание. В древнегреческой трагедии «начало – парод либо пролог – содержали в себе основную часть информативного элемента текста» [Забудская, 2015: 38]⁸, другими словами, *начало* задает в себе продолжение; в идеальной ситуации на основе начала можно предвидеть некоторые черты целого. Ср. другие античные тексты, например «Энеиду», где начало задает «силовые линии» поэмы. Зачин *arma* ‘оружие’ раскрывает конфликт: «различные черты характера человека на войне проявляются и через его отношение к оружию, поскольку для одного персонажа оно, в том числе и доспех врага, в первую очередь, – предмет гордости и любования, в то время как

участники и декорации: небо, солнце, какие-то предметы и т. д. Все, что уже присутствует на сцене к моменту высказывания, будет использоваться с определенным артиклем, а если некоторый предмет появляется на сцене впервые, то он будет использоваться без артикля или с артиклеподобным показателем един.

⁷ Я. Л. Забудская, говоря о парадигматической связи пролога с основным текстом трагедии у Еврипида, упоминает ее «схематичность» и даже «механистичность» [Забудская, 2015: 37]: начальная часть присутствует в его текстах только как обязательный элемент, который строится в разных текстах единообразно.

⁸ Конечно, если связь между началом и текстом не парадигматическая.

для другого – всего лишь необходимое для ведения войны средство» [Теперик, 2015]. Таким же образом в фольклорных текстах начало может указывать на содержание или заранее раскрывать его через время и место событий («хронотоп былички»), а также номинацию явления или мифологического персонажа, о которых пойдет речь в тексте [Климова, 2015: 236].

Оппозиция по парадигматической / синтагматической связи *начала* с основным текстом выделена по формальным признакам (наличие / отсутствие элементов, отсылающих к содержанию основного текста), таким образом, она может использоваться для описания текстов разного времени и разной языковой традиции. Так, представляется перспективным приложить эту оппозицию к описанию албанского народного песенного эпоса, где можно выделить два вида *начала*: *запевы* и *зачины* [Жугра, 2015].

Запевы обычно представляют собой формульные выражения, содержащие хвалу и благодарность Богу (например, *Lum e lum e i lumi Zot* ‘благ и благ благий Господь’⁹). Вторая строка (при ее наличии) содержит объяснение («за то, что Он нас создал» и под.). *Запевы* не связаны с содержанием основного текста, «они задают определенную тональность благодаря употреблению лексемы *lum* с ее комплексом „мажорно-радостных значений“», а также «объединяют рапсода с аудиторией благодаря использованию местоимения *na* ‘мы’ и глагола в 1 л. мн. числа» [Жугра, 2015: 227]. Отметим, что, поскольку синтагматически *запев* не связан с основным текстом, он может использоваться для песен с разными сюжетами, являясь своего рода характерной приметой жанра¹⁰. Кроме того, *запевы* не характерны исключительно для *начала*: они могут встречаться и в основном тексте. Возвращаясь к албанскому песенному фольклору: лексема *lum / i lumi* является исключительно частым в песнях эпитетом при упоминании Господа, а формула «Господь нас создал / нам даровал и т.д.» может быть инкорпорирована в текст: *Me kenë puna si thua ti, / T'kurrnjant motra mos me u martua, / As u e ti nuk kim me kenë. / Motra t'huja babat na kanë marrë, / Mua e ty Zoti na ka falë* (‘Если бы было так, как говоришь ты, / Ни за кого сестра чтобы не вышла, / Ни меня, ни тебя бы не

⁹ Дословный перевод в данном случае невозможен, см. анализ конструкции: [Жугра, 2015: 226–227].

¹⁰ Ср. традиционный запев румынских дойн *frunză verde* ‘лист зеленый’, который повторяется с минимальными вариациями («лист цикория зеленый», «лист зеленый, лист рябины», «земляники лист резной», «лист зеленый, куст калины», «лист бобовый вырезной» и т.д. [Прокофьева, 2006: 138–139]).

было. / Наши отцы женились на чужих сестрах, / И тебя, и меня Господь [им] даровал' [Këngë popullore, 1955: 37]. Как видно, в этом случае личное местоимение *na* 'нас' содержит отсылку не к аудитории, а к действующим лицам (в чем проявляется его шифтерная природа). Существенно, впрочем, что в зависимости от места формулы в тексте меняется и ее роль (формула в *начале* связывается с текстом парадигматически; формула в основном тексте связана с ним синтагматически).

В отличие от *запева*, *зачины* в албанском песенном эпосе инкорпорируются в текст (т. е. связаны с ним синтагматически). Они «указывают на время и место происходящего, называют персонажей, подготавливают слушателей к восприятию повествования» [Жугра, 2015: 228]. Зачин может иметь разную форму, например имя + характеристика героя. Тогда он, как правило, следует формуле *Kur ish kenë X* 'когда был X', где *kur* используется как дейктический элемент ('вот', 'как'), маркер некоторого условного фольклорного прошлого. В некоторых зачинах описывается утренний подъем героев и их подготовка к подвигам: *N'natje heret Mua si m'â çue, / mirë â mbathë, mirë â shtërngue, / zjarmin n'votër e ka ndezë, / mirë ma pin kafen me sheqer* 'Рано на рассвете Муио поднялся, / хорошо обулся, хорошо снарядился, / огонь в очаге разжег, / хорошо мой Муио (досл. «мне», dat. eth.) пьет кофе с сахаром' [Жугра, 2015: 230] (с подробной классификацией такого рода зачинов). Отметим, однако, изоморфизм абсолютного начала текста началам эпизодов в тексте: *Kur ka dalë sabah drita e bardhë, / Heret Halili kenka çua, / Â bâ gadi n'shpi me shkua; / N' shpinë gjogut i paska ra, / Kenka nisë n'Budinë me kthye* 'Когда пришло утро, белый свет, / Рано Халиль встал, / Приготовился домой ехать; / На спину коня сел, / Отправился в Будин-град' [Këngë popullore, 1955: 37], – эпизод описывает очередное передвижение героя баллады, которому предшествовали введение, клятва и сватовство, соответственно приведенный фрагмент никак нельзя отнести к зачину песни, пусть он формально с ним и совпадает.

Вторая важная оппозиция для описания *начала* как структурного элемента текста – ориентация на слушателя (читателя) / ориентация на текст. *Начало* может быть обращено к слушателям (читателям), вовлекая их в пространство текста через определенные маркеры, или ориентироваться исключительно на содержание. Такие стратегии в конечном счете восходят к граничному статусу *начала* текста: оно обращено и вовне (ориентация на слушателей / читателей), и внутрь текста (ориентация на содержание).

Ориентация на слушателя (читателя) предполагает вызывание у них эмпатии к сюжету и персонажам: ярким художественным приемом здесь является употребление инклюзивного ‘мы’ (см. выше об использовании *na* ‘нас’ в албанском эпосе), через которое реципиент и рассказчик включаются в пространство текста; конечно, способы вызывания эмпатии этим не ограничиваются. Здесь и установка на лирический характер текста (например, описание эмоций героя в начальных частях книг «Энеиды», задающее тональность для восприятия трагического финала [Теперик, 2015]). Такого рода примеры можно умножать до бесконечности как на балканском, так и на более широком материале¹¹.

Предполагается, что *начало* является одним из важных «знаков Балкан», это структурный элемент, который может обладать собственными параметрами, отличными от основного текста. Сопоставительный анализ *начал* балканских текстов в рамках Балканского тезауруса позволит показать на материале всех балканских языков и традиций особенности парадигматической и синтагматической связи *начала* с основным текстом, описать формулы *начал* и создать их балканский инвентарь. Как видно из предварительного подступа к теме, сопоставление балканских текстов разных традиций и разного времени (античная драма, современная литература, фольклор...) может быть плодотворно и раскрывает некоторые константы в функционировании *начала* и *начал* на Балканах.

3. Лингвистический подход к БЯС и к проблеме балканизмов (структура коммуникации)

Анализ дейксиса в грамматической структуре балканского языкового союза (БЯС) кажется в этом отношении весьма перспективной темой. В основу анализа в данном случае положен коммуникативный аспект (предполагаемый стимул формирования БЯС)¹². Дейктические элементы и конструкции можно рассматривать в качестве «коммуникативного кар-

¹¹ Например, аналогичный прием используется в романе М.Кэртэреску «За что мы любим женщин»: начальное клише, обычно содержащее в себе обращение к читательнице, нацелено на диалог с ней и эмпатию, чтобы вовлечь ее через это в литературную игру [Романова, 2015], другими словами, ориентировано на аудиторию.

¹² О дейксисе в системе болгарского глагола и о балканских партикулах = «звуковых жестах» в кругу понятия «эмфатического дейксиса», или «дейктической эмфазы», см.: [Цивьян, 2015].

каса» грамматики БЯС. Тогда бюлеровское *ich – hier – jetzt* будет определять самоидентификацию индивида и его диалог с *du* или *sie*, т.е. *начало* / основу коммуникативного акта с одним или несколькими собеседниками (ситуация балканского многоязычия). В современной когнитивистике, где дейксису отводится весьма важное место, главное внимание уделяется синтагматике, т.е. разбору конкретной ситуации на уровне дискурса, текста, предложения.

Еще в 1979 г. при описании синтаксиса балканского языкового союза было предложено выделить на лексико-грамматическом уровне класс слов, тогда условно названный Z [Цивьян, 1979: 281 сл.]. Имелись в виду слова, принадлежащие к неполнозначным классам и изофункциональные им: артикли, предлоги, союзы, частицы, в частности фатические, междометия, местоименные и глагольные клитики, группы наречий, которые занимают в предложении фиксированное или во всяком случае более или менее предсказуемое место¹³. Речь шла, по сути, обо всем дейктическом арсенале БЯС.

В своей книге «Непарадигматическая лингвистика. История „блуждающих частиц“» Т.М.Николаева предложила вывести подобные языковые элементы за пределы частеречной классификации (т.е. за пределы парадигмы) и назвать *партикулами* [Николаева, 2008]. В БЯС *партикулы* становятся на синтаксическом уровне «протагонистами». На них держится каркас высказывания / текста, они «выстраивают» ситуацию, в которой происходит само- и взаимоотождествление персонажей – участников балканского диалога / полилога, т.е. реализуется коммуникативный акт. Приходят ли партикулы в синтагматику из парадигматики или уходят в парадигматику из синтагматики¹⁴ – в данном случае несущественно. Главное, что балканские языки выработали чрезвычайно интересную и разветвленную дейктическую систему, захватывающую и формальный, и семантический уровень и вносящую свой вклад в «поэзию грамматики». Тенденция к аналитизму в именной и глагольной парадигме, развитие системы артиклей, местоименная реприза, среди прочего ритмизирующая текст, как и живописный «балканский набор» междометий, его расцвечивающий, да, собственно, почти весь основной список балканиз-

¹³ О балканских местоименных клитиках см., в частности, статью Р.Бенаккио [Benacchio, 1988].

¹⁴ Отдаем себе отчет в том, что здесь возникает проблема курицы и яйца, но поскольку она имеет два решения, постольку у нас есть право выбора – в обе стороны.

мов, так или иначе включают партикулы. И если мы остаемся в рамках БЯС (в диахронии ли или в синхронии), то не стоит ли рассматривать дейктическую систему БЯС как некий *над-балканизм* – со всеми вытекающими отсюда следствиями?

В рамках БТ дейксис вообще и балканский дейксис предлагается рассматривать в широком когнитивном плане, выходя за пределы только языковой категории. Дейкуџи ‘указываю’, но этим не ограничиваюсь: *отождествляю, объединяю и противопоставляю* и, далее, *структурирую*. Дейктическое начало – первый «дорожный знак», первый шаг к логическим операциям, классифицирующим мир. Это – *начало*.

Заключение

В трех приведенных выше разделах представлены принципы систематизации и осмысления грамматического, лексического, мифологического и демонологического, обрядового и фольклорного материала, в котором скрывается / открывается, кодируется и воплощается идея *начала* в ее балканской версии. Совмещение разных аспектов изучения (ритуал, фольклорная формула, художественный текст, лексика, грамматика, синтаксис) при неизменном балканистическом ракурсе – отличительная черта этих исследований. По этой схеме, но в значительно большем объеме ведется работа над пилотным выпуском «Балканского тезауруса», который целиком будет посвящен «началу».

Список литературы

- Асенова П., Дукова У. Отыждествяване на представата за начало и край в балканските езици и култури // БЧ, 2015.
- Белова О. В. Этимологические мотивы в восточно- и южнославянских легендах о миротворении – общее и особенное // БЧ, 2015.
- Валенцова М. М., Седакова И. А. Первый – последний // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004.
- Валенцова М. М., Узенева Е. С. Начало – Конец // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004.
- Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Новый – Старый // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004.
- Жугра А. В. Запевы и зачины в албанском эпосе // БЧ, 2015.
- Забудская Я. Л. Начало повествования в драматическом жанре: прологи древнегреческой трагедии // БЧ, 2015.

- Иванов Вяч. Вс.* К вариантам баллады о мастере Маноле // Homo Balcanicus: Поведенческие сценарии и культурные роли: Античность. Средневековье. Новое время. М., 2001 (Балканские чтения 6: Тезисы и материалы).
- Климова К. А.* Формулы зачина в новогреческих быличках // БЧ, 2015.
- Макарецов М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М., 2014.
- Николаева Т. М.* Непарадигматическая лингвистика: История «блуждающих частиц». М., 2008.
- Новохатько А. А.* Начало в тексте: о прологе древнеаттической комедии // БЧ, 2015.
- Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Плотникова А. А.* Мифологические ипостаси тени на Балканах // Переходы. Перемены. Превращения: Балканские чтения 10: Тезисы и материалы. 31 марта – 2 апреля 2009 года / И. А. Седакова (отв. ред.), М. М. Макарецов, С. А. Сиднева, Т. В. Цивьян (ред.). М., 2009.
- Плотникова А. А.* Строительство дома у мусульман на Балканах: символика начала (по полевым материалам из Боснии, Сербии) // БЧ, 2015.
- Прокофьева И. Н.* О некоторых особенностях румынской народной поэзии // Вестник ПСТГУ III. Филология. 2006. Вып. III–2. С. 135–146.
- Романова А.* Зачин обращение к читателю как активизатор художественного кода («За что мы любим женщин» Мирчи Кэртэреску) // БЧ, 2015.
- Седакова И. А.* Лексика и символика святочно-новогодней обрядности болгар: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар: Родины. М., 2007.
- Седакова И. А.* Балканские глаголы 'хватать': мотивы переходов и перемен в лексике и фразеологии // Переходы. Перемены. Превращения: Балканские чтения 10: Тезисы и материалы. 31 марта – 2 апреля 2009 года. М., 2009.
- Теперик Т. Ф.* Поэтика начала в структуре книги: «Энеида» Вергилия // БЧ, 2015.
- Толстая С. М.* С начала до конца: структура и магия перечней в фольклорных текстах // БЧ, 2015.
- Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

- Топоров В. Н. Πυθών, Ahí Budhija, бадньак // Этимология – 1974. М., 1976. С. 3–15.
- Цивьян Т. В. «Повесть конопли»: к мифологической интерпретации одного операционного текста // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977. С. 305–317.
- Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Цивьян Т. В. Языковые союзы и балканизмы сегодня: вспоминая Н. С. Трубецкого // Kahl Th., Metzeltin M., Schaller H. (Hg). *Balkanismen heute – Balkanisms Today – Балканизмы сегодня. Balkanologie – Beiträge zur Sprach- und Kulturwissenschaft. Bd. 3. Wien; Berlin, 2012.*
- Цивьян Т. В. Предложения к «Балканскому тезаурусу»: дейктическая составляющая // БЧ, 2015.
- Benacchio, Rosanna. I pronomi clitici nelle lingue slave dell'aria balcanica // *Europa orientalis* 7. 1988. P. 451–469.
- Bernard, Roger. Le Bulgare караканджо „sorte de loup garou“ et autre formes Bulgares issues du Turc karakoncolos // Исследования в чест на академик Михаил Арнаудов: Юбилеен сборник. София, 1970.
- Kahl Th., Metzeltin M., Schaller H. (Hg). *Balkanismen heute – Balkanisms Today – Балканизмы сегодня. Balkanologie – Beiträge zur Sprach- und Kulturwissenschaft. Bd. 3. Wien; Berlin, 2012.*

Принятые сокращения

- АБ, 1972 – Античная балканистика (23–24 мая 1972 г.): Предварительные материалы (Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации.). М., 1972.
- БЧ, 2015 – Балканский тезаурус: Начало (Балканские чтения 13: Тезисы и материалы. 7–9 апреля 2015) / Редкол.: М. М. Макарцев, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян. М., 2015.
- ВЗ, 2007 – Восток и Запад в балканской картине мира: Памяти Владимира Николаевича Топорова. М., 2007.
- ВПБ, 1994 – Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994.
- ЗБ, 1994 – Знаки Балкан. Т. 1–2. М., 1994.
- КОО, 1973 – Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX – начало XX в.: Зимние праздники. М., 1973.
- Мартеница, 2009 – Мартеница. Mărțișor. Март'с. Verore...: Материалы Круглого стола 25 марта 2008 года / И. А. Седакова (отв. ред.), М. М. Макарцев, Т. В. Цивьян. М., 2009.

- Начало, 2014 – Начало. Η αρχή. Fillimi. Încertul... Рождество и Новый год на Балканах: Материалы круглого стола 25 февраля 2014 года / И. А. Седакова (отв. ред.), М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян (ред.). М., 2014. СД, 1–5 – Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1–5. М., 1995–2012.
- СБЯ, 2003 – Славянское и балканское языкознание. Homo balcanicus: Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003.
- Троица, 2013 – Троица. Rusalii. Певтѣкостѣ. Rrëshajët... К мотиву зеленого в балканском спектре: Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года / М. М. Макарецев (отв. ред.), Д. С. Ермолин, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян (ред.). М., 2013.
- Këngë popullore, 1955 – Këngë popullore legjendare. Tiranë, 1955.
- Salix Sonora, 2011 – Salix Sonora: Памяти Николая Михайлова / Ред. М. В. Завьялова, И. А. Седакова. М., 2011.

Сведения об авторах:

Цивьян Татьяна Владимировна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: tvcivjan@yandex.ru

Седакова Ирина Александровна, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: irina.a.sedakova@gmail.com

Макарецев Максим Максимович, кандидат филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: makarcev@bk.ru